

Возвращаясь к вопросам этнической истории Индонезии и Океании, подчеркнем, что в составе древних переселенцев с Азиатского материка, говоривших, вероятно, на малайско-полинезийских языках, по-видимому, уже были не только протомонголоидные, но и негроавстралоидные (экваториальные) элементы. Ведь как отмечает сам Н. А. Бутинов, древнейшее население всей Юго-Восточной Азии, включая и Индонезию, антропологически принадлежало к различным вариантам негроавстралоидной большой расы.

По мере продвижения на юг и на восток, продолжавшегося, конечно, многие сотни, а может быть и тысячи лет, удельный вес экваториальных элементов в составе древних меланезийско-полинезийских племен, бесспорно, увеличивался, а монголоидных все уменьшался, особенно в периферических группах. Следовательно, нет ничего неправдоподобного в том, что многие районы Океании (не только Меланезии, но и Полинезии) были заселены людьми, говорившими на языках малайско-полинезийской семьи, но антропологически принадлежавшими не к монголоидной, а к негро-австралоидной большой расе.

В свете всего изложенного положение Н. А. Бутинова о происхождении меланезийских и других языков малайско-полинезийской семьи вряд ли может быть признано соответствующим современному уровню развития науки.

Большое место автор уделяет рассмотрению контактных этнических общностей. Границы этих общностей, по мнению автора, могут определяться следующим: 1) местонахождением этнографа или его информатора, 2) радиусом этнической общности в данном районе, 3) степенью этнической общности, подразумеваемой исследователем, 4) характером местности, 5) наличием границ, проведенных предшественниками, 6) наличием границ административных районов (стр. 146). Если автор прав, то конкретные этнические общности всегда оказываются в высшей степени субъективными и в очень слабой степени отражают реальные этнические общности, существующие среди папуасов Новой Гвинеи. Автор сам понимает это обстоятельство, подчеркивая случайность поименованных контактных этнических общностей, неопределенность, а часто и фиктивность границ между ними, резкую несогласованность данных различных авторов и т. д. Но тогда непонятно, почему автор уделяет этим фиктивным общностям такое большое внимание, посвящая им едва ли не большую часть своей статьи, и совсем уж непонятно заключение Н. А. Бутинова о том, что «Контактные этнические общности складываются на базе экономических и социальных условий, характерных для ранних форм общинно-родового строя» (стр. 179).

Есть в статье и много других недостатков. Основная причина ошибочных концепций Н. А. Бутинова, на наш взгляд, в ограниченности привлеченного им этнографического материала, в отсутствии исторического подхода даже к лучше всего знакомому ему материалу о папуасах, а также в недостаточном внимании к работам своих предшественников — советских исследователей общественного строя коренного населения Новой Гвинеи, например, С. А. Токарева. Такая статья могла появиться в свет лишь потому, что ее автор Н. А. Бутинов был единоличным ответственным редактором сборника «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». Заметим, кстати, что из-за своих ошибочных теоретических взглядов Н. А. Бутинов не сумел на должном уровне осуществить ответственное редактирование сборника. Так, в статье В. Р. Кабо имеет место архаизация аборигенного австралийского общества, руководящая роль мужчин в обществе вслед за буржуазными исследователями связывается с направлением хозяйства (охотой) и т. д. Ряд ошибок, содержащихся в этой статье, объясняется, на наш взгляд, тем, что автор почти не использовал богатую советскую литературу по австраловедению.

Мы надеемся, что содержащаяся в нашей статье, критика, поможет Н. А. Бутинову уяснить свои ошибки и вместе со всеми советскими этнографами повести энергичную борьбу с любым проникновением буржуазной идеологии в нашу науку.

Ю. Аверкиева, А. Першиц, Л. Файнберг, Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

«Вопросы истории Сибири», Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена, т. 222, Л., 1961.

Недавно педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде свой 222 том «Ученых записок» специально посвятил истории Сибири. Эта книга, изданная под названием «Вопросы истории Сибири», вышла под редакцией известного знатока Сибири Н. Н. Степанова.

В составлении тома наряду с ленинградскими учеными приняли участие ученые-сибиряки.

Отличительной чертой этого тома является широта источниковедческой базы. Авторский коллектив ввел в научный оборот много не известных ранее архивных документов.

Статья Н. Н. Степанова «Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII веке», кроме обилия архивных источников, которыми автор широко пользуется, снабжена подробным обзором литературы по исследуемой теме.

Автор отмечает, что еще в XVII в. русские служилые люди первыми стали различать племена эвенков по роду их занятий. Они выделяли оленеводов, скотоводов, коневодов, а также оседлых рыбаков и охотников на морского зверя. В. Н. Татищев, автор «Истории Российской» — хороший знаток истории и этнографии Сибири, различал «оленьих, конных и собачьих тунгусов».

Классификация Страленберга, пленного шведа, побывавшего в Сибири, совпадает с татищевской. Г. Ф. Миллер писал о «степных тунгусах и скотоводах из степей Нерчинского и Селенгинского уездов и лесных тунгусах», живущих в лесах и на горах Средней Сибири и ездивших на оленях¹.

Автор первого обобщающего труда о народах Российской империи И. Г. Георги составил сводную характеристику эвенков, воспользовавшись классификацией своих предшественников.

С. Патканов, автор «Опыта географии и статистики тунгусских племен Сибири» (СПб., 1906); считал возможным и для начала XX в. деление тунгусов на «степных» и «лесных». Н. Н. Степанов, используя большой этнографический и исторический материал, рассматривает хозяйство и быт отдельных тунгусских племен.

Оленные тунгусы, расселившиеся в бассейнах Енисея, Лены, Яны, Индигирки, Колымы, верхнем и среднем течении рек, прилегавших к Становому хребту, на притоках Амура — Зее, Амгуни и Шилки, являлись наиболее многочисленными.

Олени у них служили главным средством передвижения, а сами они, по словам Н. Н. Степанова, вели «комплексное кочевое хозяйство, составными частями которого являлись охота, рыболовство и оленеводство» (стр. 213). Промышляли они лося, дикого оленя, медведя и пушного зверя. Автор приводит интересные этнографические сведения, показывающие изумительные качества эвенков-охотников и следопытов, умело применявших маскировку, подкарауливавших оленей на водопое. Охотились и «многолюдством», целыми родами. В этой коллективной охоте использовали западни с луками — самострелами.

Эвенки считались хорошими рыбаками, рыболовство имело для них важное экономическое значение, особенно оно было развито в Прибайкалье и Забайкалье, у Еравнинских озер, на р. Баргузин, а также на реках, впадающих в Охотское море — Охота, Улья и др.

Не менее обстоятельно Н. Н. Степанов исследует занятия «конных тунгусов», обитавших в южных степных районах в Забайкалье и по притокам Амура, а также кочевавших в Монголии и Маньчжурии. Иркутские, тункинские, баргузинские, баунтовские, селенгинские, чикойские, иргенские, еравнинские, нерчинские, аргунские, селемджинские и зейские тунгусы имели конные табуны. В южных же степях Забайкалья, на монгольской границе у тунгусов было развито скотоводство. Автор отмечает, что конные стада тунгусов были несравненно меньше бурятских (стр. 230). В статье говорится об обменном характере торговли эвенков со своими соседями — бурятами и якутами, а также о происхождении древних плавил в Забайкалье и на Амуре.

Автор на основании исследованных материалов приходит к выводу, что хозяйство тунгусов в XVII в. было натуральным (стр. 238).

В статье имеются отдельные неточности. Так, на стр. 219 упоминается «Хатунка», следовало бы раскрыть это название. Здесь речь идет о р. Нижняя Тунгуска.

В другом месте упоминаются «ламуцкие тунгусы», которых в 1697 г. допрашивал в Зашиверском остроге приказчик Ив. Панютин (стр. 222). На следующей странице приводится материал о бедственном положении оленных тунгусов Годицканского рода (1688 г.), о голоде среди них. На основании новых этнографических данных их не следует называть тунгусами, люди из Годицканского рода — это ламуты.

Однако в общем обилие этнографических сведений относительно жилища, пищи, одежды, женских украшений, татуировки лица, звероводческих орудий, кузнечного ремесла, способов обмена делает работу Н. Н. Степанова неоспоримо убедительной. Другим достоинством ее является широта и разнообразие источниковедческой базы.

Статья И. И. Огрызко посвящена исследованию расселения и численности ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. Автор использовал довольно большой материал как археологический, так и литературный: классический труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатка», где добросовестно описаны не только хозяйственный, общественный и домашний быт, но и расселение камчадалов; использованы и более ранние источники — записанные устные доклады В. Атласова («сказки»), отписки и челобитные первых камчатских приказчиков и рядовых казаков, а также материалы, хранящиеся в архивах Томска, Иркутска, Омска, Москвы и Ленинграда.

¹ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 184.

Камчатка в исследуемый период представляла собой край, населенный предками нынешних ительменов и коряков, которые тогда жили в каменном веке, занимались примитивным рыболовством, собирательством и отчасти охотой и морским зверобойным промыслом. В их поселениях было не больше одной-двух земляных юрт, в каждой из которых жило до 100—150 человек, связанных общностью рыболовных угодий и кровным родством. «Вокруг зимних юрт на столбах стояли балаганы, служившие для каждой отдельной семьи местом хранения запасов рыбы, а также летним жилищем. Такое поселение нередко обносилось земляным валом, что дало основание первым камчатским казакам называть эти поселения „острожками“» (стр. 172).

К статье приложена интересная карта расселения ительменов, коряков и курильцев на полуострове Камчатка в конце XVII в., а также подробная таблица всех обнаруженных автором поселений ительменов и коряков к концу XVII в. К сожалению, вызывает сомнение утверждение автора о сокращении коренного населения Камчатки в четыре раза с конца XVII до начала XX вв. Связывая данное явление с приходом русских на полуостров (197—202 стр.), И. И. Огрызко совершенно некритически относится к отпискам казаков, которые по понятным мотивам старались преувеличить тяжесть боев и число убитых. Это приводит автора к ошибочным выводам при составлении исходной цифры населения Камчатки к приходу русских. По этой причине приходится сомневаться, что коренное население полуострова сократилось с 25 тыс. человек в конце XVII в. до 8 тыс. в 1747 г. (199—201 стр.).

Автор, привлекая одни источники, совершенно забывает о других. Например, ссылаясь на сведения Атласова и Крашенинникова, он называет население Курильской лопатки и о. Шумшу ительменским, но при этом игнорирует свидетельства Тимофея Кобелева (1702 г.), который даже авачинских и большеберских камчадалов считает курилами, т. е. айнами.

Другой значительной работой в рецензируемом томе является «Общественный строй Нижнего Приобья в конце XIX начале XX веков» Н. А. Свешникова, который на большом экономическом, историческом и этнографическом материале показал, что к началу XX в. у хантов и ненцев родовая собственность на рыболовные и охотничьи угодья, пастбища, кедровники и ягодники заменилась территориально-общинной.

Н. А. Свешникову удалось на фактическом материале выяснить специфику общественных отношений народов Ямальского севера, где в силу низкого уровня производительных сил и полунатуральности хозяйства вплоть до XX в. сохранился патриархальный уклад. Однако «Обычное земельное право у ненцев и хантов носило в этот период двойственный характер; будучи по форме и частично фактически общинным, оно допускало существование, наряду с общинной, неполной частной собственности на землю» (стр. 94).

Вызывает досаду некоторая поспешность выводов автора. Местами он делает заключения из малодоказательных данных. Так, если судить по таблице на стр. 80, то получается, что такие важнейшие орудия охоты, как дробовые ружья были одинаково распределены между бедняцкими, середняцкими и кулацкими хозяйствами. Из таблицы следует, что середняцкие семьи не уступали кулацким по количеству неводов, капканов, лодок, нарт и упряжей. Непонятно, по какому принципу автор проводит социальную дифференциацию между кулаками и середняками. К тому же он не учитывает количество членов семьи у различных социальных групп.

Однако эти досадные погрешности не снижают ценности статьи Н. А. Свешникова.

Л. Ф. Скляр, Ю. В. Кожухов, В. И. Макаров исследовали историю русского крестьянства Сибири. Статья Л. Ф. Склярова «Создание колонизационного земельного фонда на свободных государственных и кабинетных землях Сибири в 1907—1914 гг.» — единственная работа в исторической литературе на эту тему. Автор на большом фактическом материале показал провал политики царизма, призванной разрядить революционную атмосферу в центре России путем создания в Сибири колонизационного земельного фонда на свободных и кабинетных землях. Автор убедительно показал, что причина этого провала состоит в том, что царизм и после революции 1905—1907 гг. стремился проводить колонизацию Сибири крепостническими методами, в интересах господствующих классов и монархии (стр. 6).

Не менее интересной является статья Ю. В. Кожухова «Из истории крестьянства Восточной Сибири в первой половине XIX века». Формы землепользования восточно-сибирского крестьянства этого периода никем из историков до сих пор не освещались.

Своеобразие землепользования в Сибири заключалось в том, что многочисленное крестьянство свободно пользовалось землей, собственником которой являлось государство. До середины прошлого века это свободное землепользование никем не регулировалось.

В этот период в Восточной Сибири в пользовании пахотными землями отсутствовали общинные формы. Вместо поземельной общины как союза по владению наделенной землей в Сибири создавались соседские хозяйственные союзы — «покосные», «выгонные», «поскотинные», которые обеспечивали совместное пользование этими видами угодий. Непрерывный рост крестьянского населения и уменьшение свободных земель привели к эволюции землепользования не в сторону подворно-индивидуального

начала, а в сторону общины. Общинные порядки были более приемлемы для феодально-крепостнического государства.

Во второй части работы Ю. В. Кожухов показал хозяйственное положение крестьян в зависимости от размеров и способов взимания податей и от характера и размеров натуральных и денежных повинностей.

Барварские формы закабаления сибирских крестьян, приписанных к заводам в XVIII в., вскрыл В. И. Макаров в исследовании «Крестьяне Сибири по наказам в Комиссию 1767 года». Этим крестьянам приходилось отрабатывать подати на рудниках и заводах. При малой плотности населения они много времени затрачивали в пути к месту приписки. Наряду с зарождением новых капиталистических отношений (появление наемных рабочих) приписка крестьян к заводам консервировала феодально-крепостнические порядки. Из наказа енисейских крестьян видно, что оброчная подать для части сибиряков была заменена натуральным оброком (оброчным провиантом). Автор приводит интересные данные о размере оброчного провианта с 1728 по 1750 гг., который определялся существовавшей ранее государственной пашней, а сам натуральный оброк назывался десятинным провиантом. Наказ Тугурской слободы Илимского ведомства Иркутской губернии дает представление о размере десятинного провианта. Для тутурцев 13,5 десятины государственной пашни были заменены уплатой 1540 пудов провианта. Другими словами, за одну десятину государственной пашни крестьяне вносили более чем по 114 пудов хлеба. Это намного превышало урожайность.

В Нерчинском, Селенгинском, Иркутском и Илимском уездах (ведомствах) денежный оброк уживался с натуральным и даже с барщиной.

В целом о том следует сказать, что авторы помещенных в нем статей осветили ряд спорных или не исследованных в исторической литературе вопросов.

В работах Н. Н. Степанова, Н. А. Свешникова, И. И. Огрызко разрабатываются важные стороны истории тех малых народов Сибири, которые перешли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Чтобы во всей полноте оценить значение социалистических преобразований всего их жизненного уклада, надо знать подробно их историю.

Не менее важное политическое значение имеют и исследования Л. Ф. Склярова, Ю. В. Кожухова и В. И. Макарова, посвященные важным сторонам истории русского народа в Сибири. Читая их работы, нельзя не вспомнить слова первого русского революционера А. Н. Радищева, который 24 июля 1791 г. писал из Тобольска: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!».

И. Тугутов

ИССЛЕДОВАНИЕ О Е. Р. РОМАНОВЕ¹

Среди немногочисленных трудов по белорусской этнографии привлекает внимание читателя книга В. К. Бондарчика о белорусском этнографе Е. Р. Романове. Ценность рецензируемой работы составляет глубокое и всестороннее исследование научной деятельности Е. Р. Романова, его жизненного пути. Это исследование соединяется с анализом борьбы общественных течений, дано на фоне общего состояния белорусской этнографической науки второй половины XIX — начала XX в. Е. Р. Романов показан не только как собиратель фольклорно-этнографических материалов, но и как ученый с определенными научными установками и общественными интересами.

Вопросы истории белорусской этнографии разработаны слабо; поэтому В. К. Бондарчик правильно сделал, открыв свою книгу главой, в которой рассматривается история белорусской этнографической науки во второй половине XIX — начале XX столетия. В работе дан краткий обзор самого интенсивного в дооктябрьское время этапа изучения духовной и материальной культуры белорусского народа. Автор ее справедливо убежден в большом значении этнографической науки в жизни белорусского народа. «Этнография в Белоруссии, — пишет он, — сыграла немаловажную роль в развитии белорусской национальной культуры. Дореволюционные этнографы своей деятельностью популяризовали культуру белорусского народа, пробуждали его национальное самосознание» (стр. 5). В то время белорусский народ складывался в нацию, росло и крепло его национальное самосознание, развивались его культура и литература. И хотя как польские (А. Рыпинский), так и русские великодержавные шовинисты (К. Говорский, М. Каялович) отрицали право белорусского народа на самостоятельное национальное развитие, не хотели признать его самобытности, — научные данные об историческом прошлом, о материальной и духовной культуре белорусов доказывали обратное.

Передовые русские, белорусские и украинские ученые, работавшие в области гуманитарных наук, опирались в своих трудах на высказывания русских демократов, ве-

¹ В. К. Бондарчик. *Еўдакім Раманавіч Раманаў*. Выдавецтва Акадэміі навук БССР, Мінск, 1961, 308 стр.